

Из Абхазии. С берегов Каспийского моря.

Краснодарский край
Российская Федерация

Полная возможность разрушения береговых поселений решалась уже в самый день объявления войны, так как разбросанность по кавказскому берегу Черного моря различных поселений и сравнительная ничтожность каждого из них, взятого отдельно, делали почти невозможными ни укрепления, ни заграждения берегов, почему турецкий флот имел свободу громить и жечь любой, за исключением Поти, береговой пункт тогда, когда только он этого желал. Что же касается до высадок десанта, то и в этом отношении отсутствие у нас флота давало неприятелю следующее громадное преимущество: он мог избрать для своих операций опять-таки любой пункт побережья, замаскировать свой выбор маневрированием в другую сторону, и в случае даже неудачи обмана, т.е. встретивши на избранном месте отпор с нашей стороны, ему все-таки оставалась полная возможность перенести немедленно нападение на другой пункт и произвести там десант несравненно скорее, чем наши войска могли предпринять что-либо для его обороны, тем более, что случившееся в то время, вследствие проливных дождей, разлитие бесчисленного множества горных речек, из которых самые даже незначительные делаются в то время непроходимыми возле устья, и порча и без того крайне плохих лесных дорог внутри страны, не только не допускали, из опасения быть отрезанными, растягивания частей наших войск, но замедляли даже движения летучих отрядов. Поэтому-то неприятель, не смотря на поддержку флота, уничтоженный в самый момент высадки

незаметно скрытым от него нашими стрелками (прекрасное дело у Сочи, в отряд полковника Шелковникова), два раза опять под выстрелами флота недопущенный залпами наших войск к высадке, (на р. Гумисте и возле г. Сухума, в отряде генерала Кравченко), рассеянный в ночном нападении на только что высадившийся десант, когда он за темнотой лишен был прикрытия флота (очень удачное дело, в том же отряде, в самом г. Сухуме) и наконец, испугавшийся выстрелов наших пикетов на гудаевском посту, тем не менее успел высадиться в Пицунде, Гудаутах, у Адлера на р. Мзымте и в других местах, куда для обороны берега нельзя было успеть выслать достаточное количество войск и где он мог произвести высадку вполне безопасно. Таким образом, отсутствие на кавказском берегу тех или других турецких побед, т.е. разрушения беззащитных селений и высадок, мыслимо было, при настоящем положении этого берега, лишь в том случае, если бы внимание турецкого флота было отвлечено в другую сторону, на что может быть и были основания надеяться; хотя в то же время, именно вследствие полной беззащитности нашей береговой полосы, главным оборонительным пунктом для сухумского отдела было избрано селение Ольгинское, находящееся на 24 версты внутрь страны, где были помещены все склады и запасы, и большинство населения не абхазского отдела покинуло эту полосу еще задолго до объявления войны. Одновременно с высадкой двух тысяч турецкого десанта в Гудаутах вспыхнуло восстание абхазцев. У турок был в высшей степени расчетливый план для возбуждения населения. Высаживались абхазцы же, но только выселенные нашим правительством в Турцию, следовательно, наиболее враждебные нам и в то же время наиболее близкие населению, которое встречали среди высадившихся своих братьев и друзей; населению обещались всевозможные милости от султана, ему раздавались подарки и оружие; перед его глазами стояли: беззащитная с моря, связанные в своих движениях, отрезанные от скорого подкрепления, занимающие ничтожный уголок страны горсть русских войск с одной стороны, и могущественный, грозящий разрушением турецкий флот с другой. Старые симпатии решили дело, в населении, не сделавши даже никакой попытки к сопротивлению,

сразу стало на сторону того, кто в данном случае казался ему более сильным, рассчитывая, и не без основания, что их дома запылают и они сами будут перерезаны раньше, чем сухумский отряд, находящийся от них в сорока верстах, успеет прислать достаточное для их защиты количество войск, тем более, что последним приходилось идти не ближайшей, не открытой дорогой по берегу моря, а пробираться кругом, внутри страны. Восстание это никак не может быть рассматриваемо, как результате неуспешного распространения гражданственности среди абхазцев. Несмотря на то, что замирение этой страны произошло всего в 1866 году и, следовательно, лишь в течение 10 лет она подверглась цивилизирующему русскому влиянию, что правительство, при всем своем желании, не всегда в одинаковой мере могло удовлетворить все нужды края, оно с такою заботливостью следило за развитием здесь культуры и население на столько выказывало готовность к ее восприятию, что часто случалось здесь встречать такие явления народной жизни, которые могли бы представляться результатом и не 10-летней только административной работы, а несравненно более продолжительной. Так, не вдаваясь в подробное перечисление всех относящихся сюда фактов, можно остановиться хотя на следующем примере: абхазское население издавна славилось страстью к воровству и разбойничеству, возведенным здесь на степень добродетели, и вообще все христианские заповеди читались абхазцами наоборот; между тем край этот, особенно в последнее время, был необыкновенно тих, почти уничтожилось даже конокрадство, и вообще все виды правонарушений, встречаемые на Кавказе вообще очень часто, случались здесь необыкновенно редко, так что, в смысле уважения права, Абхазия стояла, по статистическим данным, неизмеримо выше окружающих ее и уже издавна замиренных стран, за что местной администрации и случалось не раз получать от населения выражение глубочайшей признательности. Но, конечно, десять лет не могли совершенно изменить основ характера абхазцев, всей их историей издавна связанных с Турцией, изменить природные симпатии и вселить в людей, знакомых с Россией лишь в лице официальных ее представителей, такую преданность ей, такое уважение к ее могуществу, чтобы они, во имя ее,

жертвовали бы своими непосредственными интересами. Хотя, не случись в Абхазии значительных десантов под защитой грозного турецкого флота, уже один вид которого должен был значительно повлиять на этот необыкновенно впечатлительный народ, немыслимо было бы опасаться в этом крае каких-либо народных волнений и потому вполне понятно выражение в официальном сообщении кавказского начальства, что «ни высшая, ни местная администрация не рассчитывала на возможность измены Абхазии». Неравенство сил нападения и обороны, вызвавшее присоединение местного абхазского населения на сторону сильнейшего, т.е. нападающих турок, сделалось через восстание еще более значительным и ставило малочисленный сухумский отряд в довольно тяжелое положение. Ему необходимо было усилить защиту селений Ольгинского и Цебельдинского, а также селений Анастасьевского, Георгиевского и Александровского, где жили греческие и болгарские поселенцы, и наконец, обеспечить себе пути сообщения в Самурзакань, но, главное, не допустить неприятеля овладеть селением Ольгинским, где был весь провиант и боевые припасы, так как тогда стоявшему под Сухумом незначительному отряду генерала Кравченко, части которого охраняли и все вышеупомянутые пункты, пришлось бы, продержавшись под Сухумом несколько дней, остаться без продовольствия и путей отступления, потерять сразу весь край и погубить все христианское население, и потому отряд немедленно двинулся на Ольгинское. Укрепившись в Ольгинском, отряд занял все нужные пункты и начал наступательные действия на неприятеля, узнавая через лазутчиков о его скопищах и разбивая их, причем неприятель, благодаря превосходным качествам наших войск, при ничтожных потерях с нашей стороны, нес постоянно, - особенно в делах при селениях Оранды и Александровском, - весьма значительный урон. Но когда были получены достоверные сведения об отправлении в Сухум из Константинополя еще десяти тысяч регулярных войск с 5-ю батареями, то в виду бездорожья и соединенной с ним невозможности быстрого подкрепления отряда из Кутаисской губернии, ему послан был приказ отступить немедленно в Самаурзакань. Отступление это необходимо было

произвести с величайшей скоростью, так как отряд имел при себе госпиталь и семьи поселенцев, всего до двух тысяч душ мирных граждан, которым предстояла, если бы неприятель успел запереть дорогу, неминуемая гибель; нужно было отступить раньше, чем мог высадиться в Сухум новый турецкий десант и стать на путь отступления. Поэтому нельзя было воспользоваться сравнительно удобной, но более открытой дорогой на Ноа, и отряду пришлось совершить невероятно трудный путь через Багадской мост. Нельзя не отдать полной справедливости предусмотрительности начальства, отдавшего приказ об отступлении из Цебельды, и непосредственным исполнителям, столь быстро и энергически выполнившим это приказание, так как насколько могло сделаться затруднительным положение сухумского отряда, это видно уже из того, что вскоре по выход его из Цебельды, восстание охватило и ту часть страны, которая отделяет Цебельду от Самурзакани, и даже вдвое сильнейший, соединенный кутаисско-сухумский отряд генерала Алхазова, несмотря на два успешных дела с неприятелем, на р. Кодор и при Илори, все-таки нашел более расчетливым отступить временно па юг.

Составитель: П. Гарковенко. М., 1879

